- ВХЛ. – Режим доступа: https://www.vhlru.ru/upload/Регламент%20ВХЛ_КШП_20_21.pdf. (дата обращения: 26.03.2021).
6. Регламент РФС по работе с посредниками (ред. от 01.01.2021) [Электронный ресурс] // Официальный сайт РФС. – Режим доступа: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f7ade8b81861.pdf>. (дата обращения: 28.12.2020).
7. Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов (ред. от 07.08.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт РФС. – Режим доступа: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f329d11b8d4b.pdf>. (дата обращения: 26.03.2021).
8. Родионов Л.А. Договорные формы правовых отношений в сфере профессионального спорта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 184-187.
9. Шевченко, О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России: специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»; дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Шевченко; «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». – М., 2014. 371 с.
10. Regulations on the Status and Transfer of Players January 2021 [Electronic resources] // Official site FIFA. – URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/regulations-on-the-status-and-transfer-of-players-january-2021.pdf?cloudid=g1ohngu7qdbxyo7kc38e> (дата обращения: 26.03.2021).
11. Regulations on Working with Intermediaries [Electronic resources] // Official site FIFA. – URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-regulations-on-working-with-intermediaries.pdf?cloudid=bntdqpzf9y8ntewsosb1> (дата обращения: 26.03.2021).

Сергиенко А.А.

Понятие, признаки и пределы упрощения уголовно-процессуальной формы

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-04-2021-250

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические, законодательные и практические вопросы особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Анализируется законодательство, регламентирующее институт особого порядка судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным ему обвинением.

Ключевые слова: особый порядок уголовного судопроизводства; обвиняемый; суд; согласие с обвинением; правосудие; уголовно-процессуальная форма.

Abstract

The article deals with the theoretical, legislative and practical issues of a special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charge brought against him. The article analyzes the legislation regulating the institution of a special procedure for judicial proceedings with the consent of a person with the charge brought against him.

Key words: special procedure of criminal proceedings; accused; court; consent to the prosecution; justice; criminal procedure form.

Анализ действующего уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что дифференциация российского уголовного процесса *de lege lata* уже имеет место, что является базой для определенного ускоренного производства по некоторым категориям уголовных дел. Проблема упрощения уголовного процесса пока еще не получила, на наш взгляд, адекватного доктринального толкования, хотя в специальных исследованиях все чаще поднимается вопрос об упрощенных судебных производствах, заочном рассмотрении уголовных дел, применении примирительных процедур как альтернативы уголовному преследованию. [1] Однако в условиях конвергенции процессуальных форм, имеющей место в мировой практике судопроизводства и лежащей в основе некоторых российских процессуальных процедур, например, особого

порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, необходимо как изучение практики применения аналогичных институтов в зарубежных правовых системах, так и дальнейшая разработка отечественной концепции оптимизации уголовного судопроизводства. Не единожды обращаясь к исследуемой проблеме, все специалисты в области уголовного процесса сходятся во мнении о том, что и мировая практика, и российский законодатель в этом смысле преследуют идентичные цели – процессуальную экономию, сокращение сроков производства по уголовному делу в рамках, обозначенных ст. 6.1 УПК РФ, а также реализацию общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в том числе путем восстановления социального равновесия путем возмещения ущерба, причиненного преступлением, в кратчайшие сроки. [2]

Процедура рассмотрения уголовного дела в случае заявления обвиняемого о признании вины регламентируется Римским статутот Международного уголовного суда. [3] В качестве основного принципа упрощения (ускорения) процесса рассмотрения дела в данном случае позиционируется свобода волеизъявления обвиняемого, который ни при каких обстоятельствах не может быть принужден к признанию себя виновным (п. «а» ч. 1 ст. 55, п. «g» ч. 1 ст. 67). В ходе судебного разбирательства суду необходимо удостовериться, что обвиняемый понимает содержание выдвинутого против него обвинения, подтверждает признание вины либо заявляет о своей невиновности (п. 8 (а) ст. 64). В случае признания вины суд посредством допроса обвиняемого выясняет следующие обстоятельства: осознает ли обвиняемый характер и последствия признания себя виновным; сделано ли это признание обвиняемым добровольно после достаточных консультаций с защитником; подтверждается ли признание вины обстоятельствами дела, изложенными в материалах уголовного дела (ст. 65). Лишь в том случае, если суд убежден в соблюдении названных условий, он рассматривает признание вины в совокупности с иными доказательствами, устанавливающими существенно важные для уголовного дела обстоятельства, и может осудить лицо за совершение преступления.

Кроме того, при регламентации в национальном законодательстве упрощенных форм уголовного судопроизводства в соответствии с разделами II и III Рекомендаций Комитета министров Совета Европы № 6 R (87) «Относительно упрощения уголовного правосудия» должны учитываться положения ст. 5 (право каждого на свободу и личную неприкосновенность) и ст. 6 (справедливое судебное разбирательство) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. [4]

Минимальный объем прав обвиняемого, подлежащий обязательной регламентации национальным законодательством, и соблюдению в том числе при применении упрощенных судебных процедур, закреплен в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В их числе: 1) незамедлительное уведомление о характере и основаниях предъявленного обвинения; 2) предоставление достаточного времени и возможности для подготовки к защите; 3) выбор формы защиты либо лично, либо через приглашенного или назначенного защитника, при этом при недостатке средств для оплаты услуг защитника, в интересах правосудия таковой предоставляется бесплатно; 4) ознакомление с показаниями и участие в допросе свидетелей, вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; 5) предоставление бесплатных услуг переводчика, если обвиняемый не владеет языком судопроизводства.

Обобщение судебной практики ЕСПЧ показало, что наиболее часто встречающимися нарушениями ст. 6 Конвенции являются с одной стороны – нарушения права на защиту, проявляющиеся в не предоставлении защитника, которые влекут за собой отсутствие состязательности судебного разбирательства, а также ограничение процессуальных возможностей обвиняемого по отстаиванию своих процессуальных интересов, [5-7] с другой - неэффективность существующей защиты,

проявляющаяся в формальном присутствии адвоката, необеспечении конфиденциальности его общения с подзащитным, например, в условиях использования видеоконференц-связи, необоснованное отклонение ходатайств о вызове и допросе свидетелей, нарушении принципа равенства при ознакомлении с материалами уголовного дела и т. д. [8, с. 123]

На необходимость соблюдения международных стандартов защиты прав и законных интересов обвиняемого указал Конституционный Суд РФ, отмечая, что дифференциация уголовного судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел является обоснованной и объективно оправданной при условии сохранения баланса конституционных ценностей и соблюдения принципа правовой определенности, не допускающего несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. [9]

В действующем уголовно-процессуальном законе собственно ускорение (упрощение) уголовно-процессуальной формы как дифференцированная процедура, отличная от общего порядка, предусмотрена для этапа предварительного расследования – в виде сокращенного дознания; для этапа судебного разбирательства – особого порядка принятия судебного решения (гл. 40, 40.1 УПК РФ), а также производства у мирового судьи по делам частного обвинения. Существенным шагом по имплементации международных стандартов упрощения судопроизводства, содержащихся в разделе II Рекомендаций № 6К (87) является введение в уголовный процесс производства о назначении меры уголовно-правового характера [10] в качестве альтернативы уголовному преследованию в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, при условии возмещения им ущерба либо заглаживания причиненного преступлением вреда иным способом (ст. 25.1 УПК РФ). В соответствии с положениями гл. 51.1 УПК РФ суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении обвиняемого (подозреваемого) при наличии ходатайства должностного лица, ведущего производство по уголовному делу. При этом срок рассмотрения предельно сокращен и составляет 10 суток со дня поступления ходатайства в суд. Права лиц, имеющих личный интерес в исходе уголовного дела, обеспечиваются обязательным участием в судебном заседании подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя. При этом судья в постановлении о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа устанавливает срок его выплаты с учетом материального положения лица и его семьи, а также разъясняет порядок обжалования постановления и последствия уклонения от уплаты судебного штрафа.

В связи с изложенным немаловажным представляется вопрос о критериях упрощения уголовно-процессуальной формы. Традиционно в качестве признаков, на основании которых происходит редуцирование процедуры уголовного судопроизводства, принято выделять общественную опасность совершенного деяния и степень сложности установления обстоятельств дела. [11] Указанные критерии несколько детализируются с учетом взаимосвязи норм материального и процессуального права, а также социальной значимости определенной категории уголовных дел. Например, М.Л. Якуб к указанным выше признакам упрощения процессуальной формы добавляет тяжесть меры наказания, предусмотренной законом за данное преступление, а также общественно-политическое значение, которое оно имеет. [12, с. 103-104] В качестве самостоятельной группы критериев дифференциации М.К. Свиридов выделяет процессуальные, к числу которых наряду со степенью сложности познавательной деятельности по установлению всех фактических обстоятельств дела, причисляет такой фактор как необходимость применения принудительного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого или отсутствие таковой. [13, с. 241] Мы полагаем, что развитие уголовно-процессуального законодательства актуализирует вопрос о поиске оптимальных критериев упрощения

уголовно-процессуальной формы, поскольку они уже не исчерпываются исключительно тяжестью совершенного деяния и сложностью доказывания (например, при применении гл. 40.1 УПК РФ материальный критерий не применим, поскольку отсутствует зависимость редуцирования стадии судебного разбирательства и тяжести совершенного деяния). В этой связи, позволим себе солидаризироваться с точкой зрения, высказанной Е.В. Селиной на основе обстоятельного анализа судоустройственных и судопроизводственных новелл, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство за последние годы, о том, что дифференциация преимущественно осуществляется в зависимости от категории преступления. [14, с. 34] Кроме того, в качестве самостоятельного признака, позволяющего относить то или иное производство к числу упрощенных, можно, на наш взгляд, выделить определенное соотношение публичных и диспозитивных (частных) начал. В тех случаях, когда законодатель отдает предпочтение последним (производство по делам частного обвинения, реализация обвиняемым своего права ходатайствовать об особом порядке судебного разбирательства при соблюдении сторонами всех условий его применения, заочное рассмотрение уголовных дел), уголовно-процессуальная форма упрощается.

В некоторых специальных исследованиях за основу предлагается брать принцип презумпции невиновности, реализация которого не может ограничиваться ни при каких условиях, [15, с. 19] что предполагает, по мнению А.В. Боярской, наличие в любой форме производства по уголовному делу хотя бы одного полного цикла доказательственной деятельности. [16, с. 11] При подобном подходе доказывание всех обстоятельств дела должно осуществляться либо на этапе предварительного расследования, либо в судебном разбирательстве, что не позволяет одновременно редуцировать обе названные стадии уголовного процесса. Кроме того, упрощение уголовно-процессуальной формы не должно ухудшать правовое положение лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, которое может выражаться как в лишении их каких-либо прав, так и в ликвидации определенных гарантий их реализации. [17, с. 71]

В целом, разделяя данную позицию, позволим себе ее несколько дополнить. Так, упрощение уголовного судопроизводства не должно препятствовать достижению его цели, которая обозначена в виде комплекса задач, решение которых является обязанностью должностных лиц органов уголовной юстиции (ст. 6 УПК РФ). Анализ названной нормы уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что назначение уголовного судопроизводства имеет двуединую структуру, что соответствует состязательной форме судопроизводства. При этом отдельные задачи, равно как и процессуальные интересы сторон могут взаимоисключать друг друга. Так, с одной стороны назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, с другой стороны - защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Помимо частных интересов в рамках уголовного процесса реализуются и публичные интересы, проявляющиеся в необходимости установления истины по уголовному делу, позволяющей вынести законное, обоснованное и справедливое судебное решение. Как отмечает Т.В. Трубникова, обозначенные интересы в определенных ситуациях могут противоречить друг другу, при этом достижение одной из целей судопроизводства может быть обусловлено меньшим достижением другой. [18, с. 133]

Как уже было отмечено выше, соотношение частных и публичных интересов является одним из признаков упрощения уголовно-процессуальной формы, что предполагает наличие некоего универсального критерия, позволяющего определить возможные пределы такового. Думается, что в качестве индикатора при моделировании законодателем конкретных редуцированных процедур может выступать гарантированность реализации права на судебную защиту, которое, в соответствии со

ст. 46 Конституции РФ не может быть ограничено. Конструкция данной нормы Основного закона позволяет утверждать, что судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц, поскольку употребление термина «каждый» в тексте ч. 1 ст. 46 Конституции РФ подчеркивает неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-либо формализованных ограничений на ее использование. Подтверждение данного тезиса мы находим при анализе процессуального статуса отдельных участников уголовного процесса, который позволяет утверждать, что право на обращение в суд, а соответственно, и право на судебную защиту имеют потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный, частный обвинитель (ч. 2 ст. 43 УПК РФ), гражданский истец (ч. 4 ст. 44 УПК РФ) и его представитель (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), гражданский ответчик (ч. 2 ст. 54 УПК РФ) и его представитель (ч. 2 ст. 55 УПК РФ), свидетель (ч. 4 ст. 56 УПК РФ), а также иные лица, чьи права и законные интересы нарушены в ходе уголовного судопроизводства (например, заявитель в случае отказа в приеме сообщения о преступлении; лицо, в помещении которого проводится обыск или выемка и т.д.). Универсальность судебной защиты позволяет ей, на наш взгляд, стать тем средством, с помощью которого могут быть реализованы все задачи уголовного процесса даже с учетом их противоречивости. Следовательно, любое производство в рамках ординарной либо упрощенной процессуальной формы не должно создавать препятствий для реализации права заинтересованного лица на судебную защиту.

Изучение данного вопроса представляется исключительно важным с точки зрения *de lege ferenda*. Полагаем, что можно выделить несколько ограничителей, которые формируют пределы упрощения (ускорения) уголовного судопроизводства. В этой связи следует, на наш взгляд, обратить внимание на трактовку самого понятия «упрощенное производство», которая отражает сущность рассматриваемого способа дифференциации уголовно-процессуальной формы. В подавляющем большинстве специальных исследований, посвященных данной проблематике, используются две дефиниции – упрощенное производство и ускоренное производство. Лингвистический анализ слов «упрощенный» и «ускоренный» показывает, что эти термины не идентичны. Слово «упрощенный» трактуется как «не сложный, доступный пониманию и осуществлению», [19, с. 621] в то время как «ускоренный» означает «осуществляемый быстрее обычного». [19, с. 839] Однако, с точки зрения оптимизации уголовно-процессуальной формы, мы полагаем, что эти термины могут употребляться как тождественные, поскольку любой из законодательно предусмотренных способов упрощения процедуры (исключение из производства по делу отдельной стадии либо неприменение какого-либо процессуального института и т.д.), в конечном итоге приводит к ускорению производства по делу, т.е. изменению динамико-временной структуры унифицированной уголовно-процессуальной формы, которая приобретает несколько свойств: быстроту, экономичность и простоту. Именно эти качества составляют, на наш взгляд, основные признаки упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства.

Основным и наиболее значимым ограничителем выступает свойство нормативности уголовно-процессуальной формы. Как уже было отмечено, процессуальная форма гарантирует осуществление эффективной защиты и охраны прав и свобод участников процесса, обеспечивает действие правовых принципов, регулирует последовательность совершения процессуальных действий, выступая процессуальным порядком, регламентом деятельности по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Ее нормативность предполагает наличие законодательной модели, организующей и упорядочивающей судопроизводственную деятельность посредством системы закрепленных в уголовно-процессуальном законе требований к процессуальным действиям и документам.

Еще одним ограничителем, формирующим границы упрощения процессуальной формы, является уголовно-процессуальный режим, структуру которого составляют назначение уголовного процесса, состязательность и процессуальные гарантии прав и законных интересов участников процесса. Думается, что указанная составляющая уголовно-процессуальной формы является константой при любом из рассмотренных выше способов оптимизации уголовного судопроизводства. При этом следует учесть некоторые обстоятельства, касающиеся реализации принципов уголовного судопроизводства и процессуальных гарантий прав и законных интересов его участников. Как уже было отмечено выше, в литературе достаточно широко распространено мнение, что при упрощении процедуры рассмотрения уголовного дела недопустимы усечения, сопряженные с нарушением какого-либо принципа уголовного процесса. [20] На наш взгляд данное утверждение не вполне корректно. Следует учитывать, что как в унифицированном порядке рассмотрения уголовных дел имеются ограничители принципов и правил процесса, так и в дифференцированной процедуре регулирование осуществляется на основе общих правил с определенными, объективно необходимыми изъятиями. Данный тезис легко может быть проиллюстрирован значительным количеством примеров, подтверждающих бинарность некоторых судопроизводственных (функциональных) принципов уголовного судопроизводства. Известно, что одним из принципов уголовного судопроизводства является гласность, в то же время ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусматривает случаи, когда по судебному решению действие этого принципа может быть ограничено посредством проведения закрытого судебного разбирательства: в интересах несовершеннолетних подсудимых, не достигших 16 лет; неразглашения государственной и иной охраняемой федеральным законом тайны, либо сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства, либо сведений, унижающих их честь и достоинство; обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. Аналогичным образом регламентируется принцип непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ) с изъятиями из общего порядка в части оглашения показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, предусмотренного ст.ст. 276, 281 УПК РФ. С этой точки зрения упрощение (ускорение) уголовного судопроизводства путем закрепления процедур, в которых ограничивается действие отдельных принципов процесса, вполне вписывается в общую модель организации правосудия. Однако часть принципов имеют абсолютный характер, как, например, состязательность и иные организационные (институциональные) принципы, соответственно, их действие не может быть ограничено.

Определенная конкуренция между быстротой и основательностью судопроизводства стала основой для критики «стремления упростить и ускорить судопроизводство за счет устранения гарантий прав личности». [21, с. 121] Полагаем, что при решении вопроса об объеме процессуальных гарантий реализации прав и законных интересов участников процесса необходимо исходить из того, что удобство, быстрота и простота процесса должны иметь второстепенное значение по сравнению с гарантированностью прав и правильностью принимаемых решений. Современная юриспруденция рассматривает ускорение процесса не столько через призму интересов государственной репрессии, сколько в качестве неотъемлемого субъективного права частного лица, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства. В этом смысле быстрое и простое рассмотрение уголовного дела, не будучи а priori антиподом его качественному рассмотрению, является ценной гарантией прав личности. [22, с. 236] При разработке и законодательной регламентации процессуальных механизмов, направленных на упрощение (ускорение) производства, следует, на наш взгляд, исходить из того, что такие механизмы должны представлять собой разумное сочетание публичных и частных интересов, что предполагает ограничение тех или иных норм и

принципов унифицированного порядка только при условии повышения уровня гарантий прав участников процесса.

И, наконец, еще одним, законодательно закрепленным ограничителем упрощения уголовно-процессуальной формы являются нормы, определяющие подследственность и подсудность уголовных дел, т.е. критерии отнесения дел к упрощенному (ускоренному) производству, а также нормы, определяющие соотношение упрощенного и общего порядка рассмотрения дел, включая механизмы перехода из одной формы в другую.

Пределы упрощения процессуальной процедуры предусмотрены и для особого порядка судебного разбирательства, который применяется только по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Законодатель предусматривает возможность перехода к унифицированной процедуре судебного разбирательства при возражении участников процесса против постановления приговора без судебного разбирательства либо по собственной инициативе суда (ч. 6 ст. 316 УПК РФ), что является дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов как подсудимого, так и потерпевшего.

Все названные ограничители очерчивают рамки упрощения (ускорения) уголовного судопроизводства и определяют «качество» той или иной упрощенной процедуры: насколько в ней сбалансированы интересы участников процесса и повышает ли она эффективность правосудия. В этой связи считаем необходимым привести важную в рассматриваемой ситуации мысль Н.А. Чечиной, высказанную относительно упрощения гражданского судопроизводства, но вполне применимую и в уголовном процессе: «Отказ от соблюдения процессуальных правил, отрицательно влияет на качество судебной деятельности, поэтому каждое упрощение должно вводиться с учетом последствий его применения, с тем, чтобы оно вписывалось в существующую систему, а не разрушало ее». [23, с. 587]

Учитывая все вышеизложенное, полагаем, что упрощенное (ускоренное) производство можно определить как изъятие из унифицированного легального порядка производства по уголовному делу, заключающееся в законодательном редуцировании отдельных стадий уголовного процесса (их структурных элементов), при условии реализации его формообразующих принципов и обеспечении совокупности гарантий прав и законных интересов его участников.

1. Орлова Т.В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе российского государства / под ред. Г.И. Загорского. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (20.03.2021).
3. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17.07.1998) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\)](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r)) (20.03.2021).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950г., с изм. от 13.05.2004 г.) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (20.03.2021).
5. Григорьевских (Grigoryevskikh) против РФ. Жалоба № 22/03. Постановление от 9 апреля 2009 г. // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 2. – С. 103-117;
6. Севастьянов (Sevastyanov) против РФ. Жалоба № 37024/02. Постановление от 22 апреля 2010 г. // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 11. – С. 37-49.
7. Шулепов (Shulepov) против РФ. Жалоба № 15435/03. Постановление от 26 июня 2008 г. // Бюллетень ЕСПЧ. – 2009. – № 6. – С. 77-84;
8. Алтынникова Л.И. Состязательность и равноправие сторон в апелляционном уголовном судопроизводстве как элементы концепции справедливого судебного разбирательства: позиция Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9. – С. 122-130.

9. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194577/ (20.03.2021).
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ (20.03.2021).
11. Даев В.Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом. / В.Г. Даев. – Воронеж, 1979. – С. 45-52.
12. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. / М.Л. Якуб. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.
13. Свиридов М.К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса. / М.К. Свиридов. – Томск, 1987. – 221 с.
14. Селина Е.В. Дифференциация и унификация форм уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2015. – № 6. – С. 31-34.
15. Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – 25 с.
16. Боярская А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2012. – 22 с.
17. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск, 2001. – 104 с.
18. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 131-139
19. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – 944 с.
20. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18-21.
21. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: Дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2016. – 389 с.
22. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
23. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. / Н.А. Чечина – СПб., 2004. – 654 с.

Симанчук М.Л.

Правообладатели фирменных наименований в законодательстве России

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-251

Аннотация

В настоящей статье описываются основные подходы к пониманию правовой категории "правообладатель фирменного наименований" в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: правообладатель, субъект права, субъективное право, фирменное наименование, правообладатель, исключительное право, гражданское право, средства индивидуализации, коммерческая организация, индивидуальный предприниматель.

Abstract

This article describes the main approaches to the understanding of the legal category of "right holder of a firm name" in the legislation of the Russian Federation.

Key words: right holder, subject of law, subjective right, trade name, right holder, exclusive right, civil law, means of individualization, commercial organization, individual entrepreneur.